

Татьяна Комарова

Пыль

Татьяна Комарова

ПЫЛЬ

«Автор»

2026

Комарова Т.

Пыль / Т. Комарова — «Автор», 2026

Если родители дали сыну имя Космос, то полет к звездам- это судьба . Лунная база «Маров», 2046 год. Молодой стажёр сталкивается с главной реальностью космоса: пылью, которая не щадит ни расчёты, ни автоматику.

© Комарова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Земля. Пролог (2096)	6
Луна. Прибытие (2046)	8
Земля. Архив (2096)	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татьяна Комарова

Пыль

"Пыль"

Земля. Пролог (2096)

Конференц-зал в Национальном космическом центре. Празднование 135-летия первого полета человека в космос. Слева от телестены кресла докладчиков. Официальная часть с поздравлениями, докладами о ближайших планах космических программ и награждениями закончилась, пришел черед вопросам и ответам.

Вопрос из зала:

- Космос Владимирович, Вы были самым молодым участником Лунных экспедиций. Расскажите, как это случилось, с чего всё началось?»

Зырянов задумчиво проводит пальцами по столику, на котором стоит стакан с водой, переводит взгляд в зал, замечает, как кружатся пылинки в свете ламп. Пылинки – они есть всегда и везде. Где-то их больше, где-то меньше...

- Несколько необычный вопрос! Чаще всего меня спрашивают, почему у меня такое необычное имя. Чтобы ответить на Ваш вопрос, мне придется рассказать и о своем имени тоже.

С чего всё началось? У каждого в жизни всё начинается с семьи: с родителей, с бабушек, с воспитания. И у меня тоже. Хотя моя история началась даже чуть раньше...

В 2026 году Роскосмос объявил об отборе в отряд космонавтов.

Мой отец, Владимир Зырянов, перечитавший за школьную жизнь все произведения Стругацких, Ефремова, Булычева, что было редкостью в те годы, и мечтавший о полетах к звездам, подал заявку.

Чтобы стать космонавтом, нужно было пройти строгий отбор, иметь отличное здоровье и физическую выносливость, быть психически устойчивым и соответствовать целому ряду обязательных требований.

Отец успешно прошел медосмотр и все тесты и уже ожидал решения комиссии, когда произошел несчастный случай - автомобильная авария, которая поставила крест на воплощении его мечты о звездах.

Когда появился я, он сказал моей маме: "Хочу сына назвать Космос. Если не сбылась моя мечта о космосе, то пусть Космос всегда будет со мной!" Мама думала некоторое время и в конце концов, понимая его романтическую душу, согласилась.

Отец все-таки нашел себе место в космической отрасли – стал инженером бортового программного обеспечения. И маму тоже уговорил поменять место работы – медики нужны и для космоса тоже.

Отвечая на ваш вопрос – как это случилось, что я стал самым молодым участником экспедиции – могу сказать, что иначе и быть не могло! Тема космоса всегда была вокруг меня. Я рос вместе с космическими программами и технологиями.

Сейчас, спустя многие годы, я жалею, что никогда не вел дневник. В 18-19 веках было модно вести дневник, а потом писать мемуары. В наше время везде и всюду датчики и камеры, мы не утруждаем себя записями. Но ведь автоматика фиксирует лишь сухие факты: куда пошел, что нажал, что сказал. А личный дневник – это нечто большее чем «бортовой» журнал и файл логов. В дневник ложатся фразы, пропущенные через душу, осмысленные и выверенные сердцем.

Первый полет, первая экспедиция незабываема для каждого космонавта. Даже сегодня, спустя почти 50 лет, я помню все очень ясно и отчетливо.

А знаете, пожалуй, я попробую написать об этом, чтобы любой из вас мог вернуться в то время, когда Лунная программа только начала сбываться!»

После завершения конференции все вышли в парк, чтобы отдать дань памяти ученым и космонавтам, стоявшим у истоков освоения космоса.

Космос Зырянов вместе с молодыми коллегами положил гвоздики у величественного памятника Покорителям космоса, а затем подошел к скамейке в тенистом уголке парка, смахнул пыль со спинки, сел на скамейку и погрузился в воспоминания.

Луна. Прибытие (2046)

В наушниках раздался бодрый голос диспетчера:

- Лунный вокзал. Старший дежурной смены Алиса Пахомова. Приветствуем вас, «Русич-2»! С прибытием!

А затем через несколько секунд снова:

- Отличный заход на посадку! Филиппыч, ты?

- «Русич -2». Командир корабля Валентин Филиппович Быстров. Приветствуем, Лунный вокзал! Алиса, спасибо за маяки. Ребятам своим привет передавай!

- Лунный вокзал. «Русич -2», ожидайте оседания пыли. К выходу мы вас пригласим. Сегодня у нас отличная погода: в зоне вокзала ясно, сегодня тепло, температура всего -75 по Цельсию. Так что не забудьте надеть скафандры!

Все пассажиры, прибывшие нашим рейсом, облегченно улыбаются, даже Линь Ичэнь и Лю Вэй, наши китайские коллеги, хотя приветствие прозвучало на русском языке.

В дни прибытия «Русича-2» на Лунном вокзале обязательно дежурят обе бригады наших ребят. Они ведут корабль на подлете, отслеживают и корректируют траекторию захода на посадку, обеспечивают разгрузку, а затем техническое обслуживание корабля.

Через несколько минут пришла команда надевать скафандры и готовиться к выходу:

- Лунный вокзал. «Русич-2» готовьтесь к выходу. Скафандры перед выходом проверить по всем параметрам. Ждем чек-листы проверки от всех пассажиров и экипажа. С базы «Юэгуан» транспорт уже пришел, ребята выходят первыми.

Этот момент множество раз отработывался на Земле, но все равно волнение не дает ухватить пряжку поясного ремня. Хорошо, что рядом есть коллеги, для которых это уже не первый рейс. Ольга, космобиолог и по совместительству наш медик, замечает, что мои пальцы уже третий раз не могут ухватить ремень, и приходит на помощь – подхватывает ремень, продевает в пряжку и подтягивает. Для нее это уже четвертая вахта. Полгода на Луне, полгода на Земле. Работа, отдых и снова работа. На все уговоры знакомых перестать прыгать туда-сюда и завести семью она отвечает, что ей и так хорошо, что у нее понедельник начинается в субботу и от этого она счастлива. А что еще нужно от жизни?!

- Лунный вокзал. «Русич-2» все шесть чек-листов получили. Линь Ичэнь и Лю Вэй пройдите к шлюзовому отсеку.

- «Русич-2». Линь Ичэнь и Лю Вэй в шлюзовом отсеке. Принимайте.

- Лунный вокзал. Транспорт с «Марова» на подходе. Филиппыч, дядя Саша сможет вас всех забрать одним заходом, так что ты тоже готовься к выходу.

Ольга, Олег Нежин, я и Филиппыч, командир нашего корабля, идем к шлюзовому отсеку. Надеваем и застегиваем шлемы. Исчез гул корабля, теперь слышу только свое дыхание и команды диспетчера в наушниках.

Тело, привыкшее парить, внезапно ощущает опору — не земную, тяжёлую, а лунную: лёгкую, но настойчивую, сразу меняющую привычный ритм движения. Ноги тянет вниз, но мышцы помнят: достаточно небольшого толчка — и ты паришь. Делаю шаг, поднимая фонтанчик пыли, инерция несёт меня вперёд дольше, чем ожидает мозг. Слегка заваливаюсь набок, но Нежин ловит меня за страховку и говорит:

- Тише, здесь нельзя спешить. Луна не прощает земных рефлексов.

Всего несколько шагов по Луне. Дядя Саша подогнал ровер почти к самому трапу. Высокие широкие колеса обеспечивают мягкость хода, а противополевая юбка не дает частичкам поднимающейся пыли залепить стекла. Ровер рассчитан на шестерых. Заходим, рассаживаемся, пристегиваемся. На свободное место ребята из группы Калганова ставят герметичные

ящики с нашими личными вещами, которые мы оставили в шлюзовой камере при выходе. Шустрые, и когда только всё успели?!

Дядя Саша неторопливо ведет ровер к нашей базе «Маров». До нее почти километр. Это не прихоть, жизненная необходимость. Это сейчас корабли садятся и стартуют в защитной юбке и облака пыли от них почти нет. А раньше, пока не построили защитную юбку, пылевое облако при каждой посадке и при каждом старте висело часами и доходило почти до жилых блоков – и до «Марова» и до «Юэгуна».

Ровер паркуется около внешней приёмной площадки жилого блока базы, покрытой сетчатым настилом. Настил закреплен на высоте 30 см от поверхности Луны. На столбах, поддерживающих небольшой навес, нанесены швартовочные метки, на поручнях – противоскользящее покрытие. Дядя Саша остановил ровер вплотную к площадке, что не пришлось наступать на грунт.

Шлюз жилого блока рассчитан на двух человек. Первыми идем я и Ольга. Жаль, конечно, что не удалось постоять на приемной площадке и как следует осмотреться. Возле внешнего люка горит зеленая лампочка – шлюз свободен. Открываем внешний люк, заходим в камеру очистки и закрываем люк. Внутри начинает мигать синяя лампа: начинается штатный цикл очистки от пыли. Сначала азотные сопла по касательной выметают пыль из всех щелей — шарнирных соединений, креплений перчаток, вентиляционных клапанов. Затем в дело вступают электростатические гребни: они без контакта снимают заряженные частицы с шлема, антенн и разъёмов. Вакуумные патрубки забирают остаток взвеси. Мигание прекращается, свет становится ровным и спокойным. После завершения очистки давление в шлюзе автоматически выравнивается, с громким щелчком открывается внутренняя дверь шлюза.

Мы переходим в зону хранения скафандров, закрываем дверь шлюза. Пытаюсь осмотреться, но получается плохо – отчего-то очень сложно двигаться... Ольга, уже без скафандра, с улыбкой машет мне, чтобы раздевался. Оказывается, я почти сроднился с ним за это непродолжительное время.

В зале четыре секции с ячейками для скафандров, в воздухе сухой привкус озона и мерный гул вытяжки. Прохладно, температура воздуха не больше 10 градусов. В первой секции справа все ячейки мерцают зеленым или желтым, значит заняты. В зеленых – скафандры готовые к выходу, в желтых – идет автоматический цикл регенерации (продувка, очистка, сушка после выхода), значит перед нами кто-то вернулся с работы «на свежем воздухе». Во второй секции справа у ячейки с номером двенадцать, мерцающей рубиновым цветом, в индивидуальном тепловом контуре техник СЖО в комбинезоне с нашивкой «Маров» аккуратно извлекал из скафандра забитый пылью фильтр предочистки. В секции слева ячейки горели синим и белым светом. В синих находятся резервные скафандры, белые – свободны.

Ольга подошла к ячейке с номером четырнадцать, мне указала на шестнадцатую:

- Стажер, вешай одежду сюда. Номер запомни или запиши, потом в журнал впишешь.

При открытии ячейки сразу включился тепловой контур перед ней, я встал в него и стал загружать свой скафандр. Это звучит легко «повесить скафандр в ячейку», а на самом деле его нужно не только правильно закрепить в расправленном виде, но подключить все устройства к системе проверки и регенерации. Ячейка умная, пока все не подключишь как надо, не закроеется.

Минут через десять вваливаются Валентин Филиппович с Олегом, втаскивают наши персональные багажи, снимают шлемы, уставшие, но довольные:

- Ну, теперь точно с прибытием! Уже заняли себе шкафчики? А нам оставили?

- Дядя Саша укатил обратно на космодром возить груз, который доставили. Это для нас прилет – событие, а для него – трудовые будни.

Переходим в жилой блок. В коридоре мягкий рассеянный свет, ровный гул вентиляции. Запах озона и металла сменился нейтральным воздухом регенерации. На стенах тактильные

маркировки для работы в сниженной видимости. Из кают-компания выглядывает рослый и широкоплечий человек в комбинезоне черного цвета, машет приветственно руками:

- Идите сюда, мы вас тут ждем.

Коридор сменился уютной кают-компанией: ровный, почти дневной свет, тихая музыка и аромат горячего чая вытеснили сухой привкус шлюза.

Мягкие модули диванов образовывали полукружья с низкими столиками внутри, над двумя включены светильники. Вертикальный гидропонный стеллаж с мятой, базиликом, микрозеленью у левой стены притягивал взгляд своей ухоженностью. Человек в чёрном комбинезоне — Данила Максимович Барков, начальник экспедиции – поставил чашки на один из столиков, повернулся к нам, протянул каждому руку:

- С прибытием! Олег, Ольга, добро пожаловать обратно — ваши койки уже заждались вас. Филиппыч, ты как всегда, по расписанию! Барабульку привез?

Атмосфера, царившая в кают-компаниях, больше походила на встречу старых друзей.

Филиппыч подошел к гидропонике, потерел листочек мяты, от чего воздух наполнился ярким ароматом, ответил с усмешкой:

- Конечно привез. К югу от Северного полюса нет ничего вкусней. Вечером как-нибудь устроим посиделки с удовольствием в прикуску.

В глубине на диване сидела молодая темноволосая женщина. Она жестом указала на свободные места и чашки. Барков перехватил ее взгляд:

- Юлия, у нас молодое пополнение. Несколько дней до отлета у тебя есть, чтобы поближе познакомиться с нашим молодым дарованием. Позволь представить – наш стажер-робототехник Космос Владимирович Зырянов. Многократный победитель международных олимпиад по астрофизике, победитель и призер техно-ралли Тесла, обладатель малахитового Кубка Андромеды. Право стать стажером на нашей базе получил заслуженно, несмотря на возраст.

В прохладной кают-компаниях мне вдруг стало жарко. Я опустил голову, чувствуя, как к ушам приливает кровь, и не знал, куда деть руки — то сжимал край стола, то бессильно опускал их на колени, пытаясь выглядеть спокойнее, чем было на самом деле.

Юлия хотела ответить радушным приветствием, но мое имя выбило её из равновесия. Она дёрнулась от смеха, едва не опрокинув чашку, и проговорила:

- Космос в космосе!

Но она тут же прикусила губу, вытерла брызги салфеткой и, ещё красная от собственной вспышки, быстро поправилась:

- Ой, то есть, привет, Космос! Добро пожаловать в нашу команду.

И тут же, почти на одном дыхании продолжила:

- Слушай, а можно я буду звать тебя Ежиком? У тебя такая забавная стрижка! А то, Космос как-то... слишком официально, что ли...

Услышав про Ежика, Филиппыч сложился пополам от смеха:

- Будешь теперь Космо-Ежиком!! У нашей Юлечки меткий глаз да острый язычок!

Все присутствующие ответили дружным смехом. Вот так с легкой руки Юлии, я стал Ежиком...

Земля. Архив (2096)

Холодный свет серверных стоек отражался в стекле терминала. Архив Роскосмоса, зал «Луна». Зырянов с замиранием сердца подключил накопитель с маркировкой «МАРОВ / 2046» к считывателю. Щелчок. На экране отобразился список папок: «Гараж», «Гидропоника», «Медблок», «Лунный вокзал», «Производство», «СЖО» ...

Папки раскрывались, как старые дневники. Он не искал отчётов. Он искал голоса, голоса и воспоминания.

Отлет на Землю был запланирован через 14 дней. За эти дни вахтенные должны были ввести вновь прибывших в курс текущих задач и проблем, проработать планы для дальнейших работ и исследований.

Перебирая записи в папках «СЖО» и «Медблок», Зырянов вспоминал, как медики держали его под бдительным контролем, регулярно проверяя давление, состав крови и что-то еще понятное только им. Медосмотр регулярно проходили все жители базы, но за ним следили больше всех. Иногда даже возникало ощущение, что он часть какого-то медицинского эксперимента. Примерно на 5 день после прилета во время одного из таких осмотров он услышал от Юлии про "пылевую тревожность".

Пылевая тревожность – это не болезнь, а фоновое напряжение от постоянного ожидания, что где-то что-то негерметично или «налипло».

Лунная пыль не похожа на земную. Она имеет микроскопический размер и поэтому способна проникать везде и всюду. У нее острые, режущие края и высокая твёрдость, поэтому лунная пыль действует как наждачная бумага для любых поверхностей. В лунной пыли довольно большое содержание железа, из-за чего она легко намагничивается и приобретает электростатический заряд и, как следствие, становится чрезвычайно «липучей». Из-за низкой гравитации и отсутствия атмосферы частицы пыли могут оставаться в воздухе очень долго, подниматься на высоту до нескольких километров, создавая «пылевую атмосферу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.